

MARTIN AMIS

**THE ZONE
OF INTEREST**

МАРТИН ЭМИС

ЗОНА ИНТЕРЕСОВ

РОМАН

*Перевод с английского
Сергея Ильина*



phantom press

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
355



THE ZONE OF INTEREST by Martin Amis
Copyright © 2014 by Martin Amis

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии The Wylie Agency

Перевод с английского Сергея Ильина

Редактор Игорь Алюков

Оформление обложки и макет Андрея Бондаренко

Мартин Эмис

Э55 Зона интересов. Роман / Пер. с англ. С. Ильина. — М.: Фантом Пресс, 2024. — 416 с.

Роман классика английской литературы Мартина Эмиса — это глубоко оригинальное, отчасти провокативное высказывание, по-новому фиксирующее внимание на теме Холокоста и Второй мировой войны. Эмис привносит в разговор об ужасах прошлого интонации и оттенки, никогда прежде не звучавшие в подобном контексте. “Зона интересов” — это одновременно и любовный роман (двое из трех героев-рассказчиков — комендант концлагеря и служащий в нем офицер — любят одну женщину, а третий — еврей-заключенный — готов на убийство или самоубийство ради спасения жены, попавшей в лапы нацистов), и антивоенная сатира в лучших традициях “Бравого солдата Швейка” (комендант лагеря выведен в откровенно комических и гротескных тонах), и классический пример литературной полифонии. Однако ключевая идея романа выходит далеко за рамки предсказуемых “всюду жизнь” и “банальность зла”: мелодраматизм и обманчивая легкость сюжета служат Эмису лишь средством, позволяющим ярче высветить абсурдность и трагизм ситуации.

19 мая 2023 года на 76-м международном кинофестивале в Каннах состоялась премьера фильма “Зона интересов”, режиссер Джонатан Лейзер. В этот же самый день скончался Мартин Эмис. Фильм вызвал на фестивале бурную и долгую овацию. Картина получила Гран-при Канн и приз ФИПРЕССИ. Роман Мартина Эмиса и его экранизация, рассказывающие историю, казалось бы, из уже ушедшей эпохи, внезапно обрели звенящую актуальность, резонируя с тем, что происходит в мире сейчас.

ISBN 978-5-86471-958-9

- © Сергей Ильин, перевод, 2016
- © Андрей Бондаренко, оформление, 2024
- © “Фантом Пресс”, издание, 2016, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I “ЗОНА ИНТЕРЕСОВ”

1. ТОМСЕН: ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД	11
2. ДОЛЛЬ: СЕЛЕКЦИЯ	35
3. ШМУЛЬ: ЗОНДЕР	53

ЧАСТЬ II К ДЕЛУ

1. ТОМСЕН: ЗАЩИТНИКИ	59
2. ДОЛЛЬ: ПРОЕКТ	88
3. ШМУЛЬ: ОЧЕВИДЕЦ	111

ЧАСТЬ III СЕРЫЙ СНЕГ

1. ТОМСЕН: ВЫЯСНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ	121
2. ДОЛЛЬ: ОБЪЕКТ	152
3. ШМУЛЬ: ДЫШИ ГЛУБЖЕ	184

ЧАСТЬ IV БУРЫЙ СНЕГ

1. ТОМСЕН: ЛИЖЕТ СТАРУЮ РАНУ	195
2. ДОЛЛЬ: ЗНАЙ СВОЕГО ВРАГА	235
3. ШМУЛЬ: ДЕНЬ МОЛЧАЛИВЫХ МАЛЬЧИКОВ	270

ЧАСТЬ V МЕРТВЫЕ И ЖИВЫЕ

1. ТОМСЕН:	ПРИОРИТЕТЫ РЕЙХА	279
2. ДОЛЛЬ:	ЛОГИКА НОЧИ	300
3. ШМУЛЬ:	ЗНАК	319

ЧАСТЬ VI ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ

1. ТОМСЕН:	ГРОФАЦ	329
2. ДОЛЛЬ:	ВЫСШАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ.....	353
3. ШМУЛЬ:	НЕ ВЕСЬ	364

ПОСЛЕВКУСИЕ

1. ЭСТЕР:	УШЕДШАЯ В ВОСПОМИНАНИЯ.....	367
2. ГЕРДА:	КОНЕЦ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА.....	372
3. ХАННА:	“ЗОНА ИНТЕРЕСОВ”.....	382

БЛАГОДАРНОСТИ И ПОСЛЕСЛОВИЕ:

“ТО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ”.....	405
--------------------------	-----

Вкруг котла начнем плясать,
Злую тварь в него бросать;
Первым — жабы мерзкий зев,
Что, во сне оцепенев,
Средь кладбищенских камней
Яд скопляла тридцать дней.

И змеи болотной плоть
Надо спечь и размолоть;
Лягвы зад, червяги персть,
Пса язык и мышцы шерсть,
Жала змей, крыло совы,
Глаз ехидны, — вместе вы
Для могущественных чар
В адский сваритесь навар.

Кость дракона, волчье ухо,
Труп колдуньи, зуб и брюхо
Злой акулы, взятой в море,
В мраке выкопанный корень,
Печень грешного жида,
Желчь козла кидай сюда,
Тис, что ночью надо красть,
Нос татарский, турка пасть,
Палец шлюхина отродья,
Что зарыто в огороде,
Пусть в котле кипит и бродит.
В колдовской бросай горшок
Грудю тигровых кишок.

Кровь из павианьих жил,
Чтоб состав окреп, застыл.

Я в кровь
Так глубоко зашел, что возвращаться
Мне так же тошно, как вперед идти.

У. Шекспир. “Макбет”*

* Перевод А. Радловой.

ЧАСТЬ I

“ЗОНА ИНТЕРЕСОВ”

1. ТОМСЕН:

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД

К вспышкам молний мне не привыкать, к грому тоже. При моем завидном опыте в этих делах не привыкать мне и к ливням, — к ливням, и солнечному свету, и радугам за ними.

Она возвращалась с двумя дочерьми из Старого Города и уже основательно углубилась в “Зону интересов”. Впереди мать с дочерьми уже ждала, длинная аллея — почти колоннада — кленов, их ветви и широкие листья смыкались наверху. Стоял вечер середины лета, в воздухе поблескивали крошечные комары... Моя записная книжка лежала на пне, ветерок любознательно листал ее страницы.

Высокая, широкоплечая, полная, но с легкой походкой, в белом, достигающем до щиколоток платье с фестончатым подолом, в кремового цвета соломенной шляпе с черной лентой, с покачивающейся соломенной сумкой в руке (девочки тоже в белом, в соломенных шляпах и с соломенными сумками), она вступала в большие пятна пушистого, желто-коричневого, как лани, золотистого, как львы, света и тепла и выступала из них. Она смеялась — откидывая голову назад, напругая шею. Я, в моем сшитом на заказ твидовом пиджаке и саржевых брюках, с моим пюпитром и вечным пером, шел параллельно, не отставая.

И вот мы пересекли подъездную дорожку Школы верховой езды. Сопровождаемая двумя о чем-то просившими ее детьми, она миновала декоративную ветряную мельницу, майское дерево, трехколесные виселицы, ломовую лошадь, небрежно привязанную к железной водопроводной колонке, и пошла дальше.

В Кат-Зет* — в Кат-Зет I.

Что-то случилось с первого взгляда. Молния, гром, ливень, солнце, радуга — метеорология первого взгляда.



Ее звали Ханной — госпожой Ханной Долль.

Сидя в Офицерском клубе на софе, набитой конским волосом, среди развешенных по стенам лошадиной сбруи и изображающих лошадей картин, я отхлебнул эрзац-кофе (кофе для лошадей) и сказал другу всей моей жизни Борису Эльцу:

— На миг я снова стал молодым. Это походило на любовь.

— Любовь?

— Я сказал: *походило*. Что тебя так удивляет? *Походило* на любовь. Чувство неизбежности. Сам знаешь. На зарождение долгого, чудесного романа. Романтической любви.

— *Déjà vu* и все такое? Давай-ка. Расшевели мою память.

— Ладно. Мучительное обожание. Мучительное. Ощущение покорности и своего ничтожества. Как у тебя с Эстер.

* Сокращение от *Konzentrationslager* — концентрационный лагерь (нем.). — Здесь и далее примеч. перев.

— Там совершенно другое. — Он наставил на меня палец. — Там чувство отеческое. Ты поймешь, когда познакомишься с ней.

— Ну как бы то ни было. Потом это прошло и я... И я стал гадать, как она выглядит без одежды.

— Вот видишь? А я никогда не гадал, как выглядит Эстер без одежды. Увидев ее голой, я ужаснулся бы. Закрыв руками глаза.

— А увидев голой Ханну Долль, ты закрыл бы глаза, Борис?

— Мм. Кто мог бы подумать, что Старый Пропойца получит такую красавицу.

— Да. Невероятно.

— Старый *Пропойца*. Но ты все же прикинь. Не сомневаюсь, пропойцей он был всегда. Но не всегда старым.

Я сказал:

— Девочкам сколько? Двенадцать, тринадцать. Значит, она наших лет. Или немного моложе.

— А сколько ей было, когда Старый Пропойца ее обрюхатил, — восемнадцать?

— В то время *он* был наших с тобой лет.

— Ладно. Выйти за него — дело, я полагаю, простительное, — сказал Борис. И пожал плечами: — Восемнадцать. Однако она не покинула его, так? И тут уже шуточками не отделаешься.

— Я понимаю. Всегда трудно...

— Для меня она высоковата. Да если на то пошло, и для Старого Пропойцы тоже.

И мы в который раз задали друг другу вопрос: как можно было привезти сюда жену и детей? Сюда.

Я сказал:

— Эта обстановка больше годна для мужчины.

— Ну не знаю. Некоторые женщины ничего против нее не имеют. Некоторые женщины ничем и не

отличаются от мужчин. Возьми хоть твою тетю Герду. Ей здесь понравилось бы.

— Тетя Герда может одобрять это в принципе, — сказал я. — Но ей здесь не понравилось бы.

— А ты думаешь, Ханне здесь нравится?

— Как-то не похоже на то.

— Нет, не похоже. Однако не забывай, она — жена Пауля Долля, и она последовала за ним сюда.

— Ну, возможно, она здесь приживется, — сказал я. — Надеюсь. Моя внешность сильнее действует на женщин, которым здесь нравится.

— *Нам-то* здесь не нравится.

— Нет. Но у нас, слава Богу, есть мы. А это не пустяк.

— Верно, мой дорогой. У тебя есть я, у меня — ты.

Борис я знал целую вечность — он был ярок, бесстрашен, красив, ну просто маленький Цезарь. Детский сад, начальная школа, отрочество, потом, несколько позже, совместные, отданные велосипедным поездкам каникулы во Франции, Англии, Шотландии, Ирландии, трехмесячное путешествие из Мюнхена на Сицилию. Сложности в наших отношениях возникли, лишь когда мы повзрослели, когда в нашу жизнь вторглась политика — история.

Борис сказал:

— Ты-то к Рождеству уедешь отсюда. А мне тут до июня торчать. И почему я не на востоке? — Он отпил кофе, покривился, закурил сигарету. — Кстати, шансы у тебя, братец, нулевые. Например, где? Она слишком приметна. Так что будь осторожен. Старый Пропойца, быть может, и Старый Пропойца, но он еще и Комендант.

— И все-таки. Случались вещи и более странные.

— Случались вещи *куда более* странные.

Да. Потому что то было время, когда каждый чувствовал фальшь, издевательское бесстыдство, паразитическое ханжество любых запретов. Я сказал:

— У меня есть подобие плана.

Борис вздохнул и принял безучастный вид.

— Для начала потребуется звонок от дяди Мартина. После него я сделаю первый ход. Ферзевой пешкой на четвертую клетку.

Борис, помолчав, сказал:

— Думаю, пешка против не будет.

— Пожалуй. В общем, попытка не пытка.

Борису Эльцу было пора уходить, его ждал перрон. Месяц дежурств на перроне — взыскание внутри взыскания, полученное им за очередную кулачную драку. Перрон: выгрузка, селекция, затем поездка по березовой роще к Коричневому домику, в Кат-Зет II.

— Самое жуткое — это селекция, — говорил Борис. — Ты бы заглянул туда как-нибудь. Ради опыта.

Я одиноко позавтракал в Офицерском клубе (половина цыпленка, персики, заварной крем. Никакого спиртного) и направился в свой кабинет в “Буна-Верке”. Там состоялось двухчасовое совещание с Берклем и Зидигом, касавшееся главным образом задержек в строительстве цехов по производству карбида; однако по ходу дела я понял, что проигрываю битву за передислокацию рабочей силы.

Уже в сумерках я возвратился в Кат-Зет I, в комнатку Ильзы Грезе.

Ильзе Грезе здесь нравилось.



Негромко стукнув по жестяной вращающейся двери, я вошел в комнату.

Совсем как юная женщина, коей она и была (в следующем месяце ей должно было исполниться двадцать), Ильза сидела на койке, сторбившись, перекрестив

лодыжки и читая иллюстрированный журнал; оторвать взгляд от его страницы она не соизволила. Форма ее висела на гвозде, торчащем из металлической балки, под которой я прошел, нагнув голову; одежду Ильзы составляли халат из темно-синей грубой ткани и мешковатые серые носки. Не обернувшись ко мне, она сказала:

— Ага. Запахло исландцем. Засранцем запахло.

Глумливая томность была для Ильзы привычной манерой в общении со мной, а может быть, и со всеми ее мужчинами. Моя привычная манера в обращении с ней, да и с каждой женщиной, сводилась, по крайней мере поначалу, к велеречивой чопорности (я обзавелся этим стилем как противовесом моей внешности, которую многие находили — недолгое, впрочем, время — устрашающей). На полу валялись ремень Ильзы с кобурой и ее плетъ из бычьей кожи, свернувшаяся кольцом, точно худая спящая змея.

Я разулся. А сев и поудобнее прислонившись к изогнутой спине Ильзы, свесил через ее плечо амулет на золоченой цепочке, с импортными духами внутри.

— Явился исландский засранец. И чего он желает?

— Мм, Ильза, какой тут бардак. Выходя на работу, ты всегда выглядишь безукоризненно — этого у тебя не отнимешь. Но в приватной жизни... а ведь ты такая поборница чистоты и порядка в других.

— Чего желает засранец?

Я сказал:

— Чего он желает? — И продолжал с задумчивыми паузами между предложениями: — Он желает, чтобы ты, Ильза, пришла около десяти вечера в мою квартиру. Там я попотчую тебя бренди, шоколадом и осыплю дорогостоящими подарками. А ты расскажешь мне о твоих последних успехах и неудачах. Вскоре мое великодушное сочувствие возродит в тебе чувство меры. Ведь чувство

меры, Ильза, есть то, что, как известно, тебе очень редко, но изменяет. Во всяком случае, так говорит Борис.

— Борис меня больше не любит.

— На днях он пел тебе хвалы. Если желаешь, я поговорю с ним. Надеюсь, ты придешь ко мне в десять. И после нашей беседы и угощения состоится сентиментальная интерлюдия. Вот чего я хочу.

Ильза продолжала читать — статью, которая в сильных и даже гневных выражениях доказывала, что женщинам ни в коем случае не следует брить или как-то еще лишать волосяного покрова свои ноги и подмышки.

Я встал. Она подняла на меня взгляд. Широкий, странно морщинистый, искривленный рот, глаза женщины, которая в три раза старше ее, изобильный каскад серовато-светлых волос.

— Ты засранец.

— Приходи в десять. Придешь?

— Может, приду, — сказала она, переворачивая страницу. — А может, и нет.



Жилищный фонд Старого Города был до того примитивен, что для работников “Буны” пришлось построить в его деревенском пригороде своего рода спальный район (с начальной и средней школой, больницей, несколькими магазинами, кафетерием и пивной — а также с десятками норовистых домохозяек). Я же довольно быстро отыскал в одном из отходящих от рыночной площади проулков — Садовая, 9 — вполне приемлемую, хоть и по-мещански меблированную квартирку.

У нее имелся один серьезный недостаток — мыши. После насильственного переселения владельцев этой квартиры ее около года использовали как жилье для

строителей, в итоге, нашествия мышей стали хроническими. На глаза мне это маленькие твари не попадались, однако я почти постоянно слышал, как они шепчутся в щелях и стоках, бегая, пища, кормясь, размножаясь...

При втором визите ко мне моя уборщица, юная Агнес, принесла большого, черного с белым кота по кличке Макс, или Максик. Макс был легендарным мышеловом. Все, что вам потребуется, сказала Агнес, это чтобы он гостил у вас раз в две недели; от блюдца с молоком Макс не откажется, но пищу поосновательней ему давать не следует.

Прошло совсем немного времени, и я проникся уважением к этому искусному и скромному хищнику. Максик казался одетым в смокинг — угольного цвета пиджак, идеально треугольная белая манишка и короткие белые гетры. Когда он припадал к полу и вытягивал передние лапы, коготки его раскрывались веером, изящным, как маргаритка.

Всякий раз, что Агнес отрывала его от пола и уносила, Макс, проводший у меня выходные, оставлял после себя устойчивую тишь.

Вот в такой тиши я и принял, а вернее, соорудил горячую ванну (чайники, кастрюльки, ведра) и придал себе к приходу Ильзы Грезе вид особенно опрятный и привлекательный. Поместил на стол коньяк, сладости, четыре запечатанных пакетика с крепкими колготками (чулки она презирала) и сел в ожидании, глядя в окно на старый герцогский замок, черневший в вечернем небе, совершенно как Макс.

Ильза была женщиной точной. Все, что она сказала, — слегка презрительно и до крайности томно, — все, что она сказала, едва лишь за ней закрылась дверь, это: “Давай по-быстрому”.



До сей поры, как мне удалось выяснить, жена Коменданта, Ханна Долль, сама отводила дочерей в школу и забирала их оттуда, но сверх этого дома почти не покидала.

Она не посетила ни одного из двух организованных на пробу *thés dansants**; не присутствовала ни на коктейле, устроенном в Политическом отделе Фрицем Мебиусом, ни на премьерном показе романтической кинокомедии “Два счастливица”.

Пауль Долль не появиться на этих мероприятиях не мог. Он и появлялся, всякий раз с одним и тем же выражением лица, а именно выражением мужчины, который героически смирится с нанесенной его достоинству раной... Он имел обыкновение держать губы сложенными в трубочку, словно собираясь зашвыстеть, — до поры (так, во всяком случае, казалось), пока на него не нападали некие буржуазные сомнения, после чего рот складывался в подобие клюва.

Мебиус спросил:

— Вы без Ханны, Пауль?

Я подобрался поближе.

— Нездорова, — сказал Долль. — Знаете, как это бывает. В известные дни каждого месяца.

— Какая жалость.

Мне между тем удалось хорошо разглядеть ее, да еще и в течение нескольких минут, сквозь дырявую зеленую изгородь на дальнем конце спортивной площадки (проходя мимо, я остановился и сделал вид, что просматриваю мою записную книжку). Ханна распорядилась на лужайке пикником двух своих дочерей и их подруги — дочери Зидигов, я почти уверен.

* Танцевальные вечера (фр.). — Здесь и далее перевод с фр. Елены Полецкой.

Плетеная корзина стояла еще не разобранной. Ханна не сидела с девочками на красном ковре, но время от времени опускалась рядом с ними на корточки, а после поднималась опять — стремительным движением бедер.

Если не одеждой, то уж определенно очертаниями (лицо оставалось от меня скрытым) Ханна Долль отвечала национальному идеалу молодой женщины — спокойной, деревенского обличия, созданной для деторождения и тяжелой работы. Я благодаря моей внешности приобрел обширные плотские познания по части женщин такого типа. Я успел задрать и расправить немало трехслойных сборчатых юбок, стянуть немало ворсистых рейтуз, забросить себе на плечи немало ног в подбитых гвоздями деревянных башмаках.

Я? Росту во мне шесть футов три дюйма. Белые, точно иней, волосы. Фламандский нос, надменная складка рта, соразмерный задиристый подбородок, прямые углы движущихся как на шарнирах челюстей, которые кажутся приклепанными под маленькими округлыми ушами. Плечи широкие и прямые, грудь как бетонная плита, тонкая талия, растяжимый пенис, классически компактный, когда отдыхает (с резко выраженной крайней плотью), крепкие, точно тесаные мачты, бедра, квадратные коленные чашечки, микеланджеловские икры, ступни почти такие же гибкие и красивые, как большие, пятикратно ветвящиеся лопасти моих ладоней. Ну и чтобы завершить описание этого арсенала своевременно доставшихся мне счастливых приманок, — глаза у меня ледяные, кобальтово-синие.

Все, что мне требуется, это словечко дяди Мартина, особое распоряжение столичного дяди Мартина, — и тогда я начну действовать.



— Добрый вечер.

— Да?

Я стоял на ступеньках оранжевой виллы, лицом к лицу с удивительной особой в плотной вязки шерстяном костюме (жилет и юбка) и с блестящими серебряными пряжками на туфлях.

— Хозяин дома? — спросил я. Мне было преотличнейшим образом известно, что Долль отнюдь не дома. Он пребывал на перроне — с врачами, Борисом и много кем еще, встречал Состав особого назначения 105 (предполагалось, что от Состава особого назначения 105 следует ждать неприятностей). — Видите ли, у меня чрезвычайно важное...

— Гумилия? — произнес женский голос. — Что там такое, Гумилия?

Вытеснение воздуха из глубин дома — и вот она, Ханна Долль, снова в белом наряде, мерцавшем в тенях. Гумилия, вежливо кашлянув, удалилась.

— Прошу простить за вторжение, мадам, — сказал я. — Мое имя Голо Томсен. Рад встрече с вами.

Я стянул палец за пальцем замшевую перчатку, протянул ей ладонь, которую она взяла в свою.

— Голо? — спросила она.

— Да. Ну, такова была первая моя попытка произнести “Ангелюс”, неудачная, как видите. Однако “Голо” прилипло ко мне. Наши промахи преследуют нас всю жизнь, вы не находите?

— Чем могу быть полезна, господин Томсен?

— Госпожа Долль, у меня довольно срочные новости для Коменданта.

— О?

— Я не хочу быть мелодраматичным, однако в Рейхсканцелярии принято решение по вопросу, который,

как мне известно, в высшей степени интересует Коменданта.

Она продолжала смотреть на меня, явно пытаясь составить мнение на мой счет.

— Я вас уже видела, — сказала она. — Запомнила, потому что на вас не было мундира. Вы его когда-нибудь носите? Чем вы, собственно, занимаетесь?

— Офицер связи, — с коротким поклоном ответил я.

— Если это важно, вам, наверное, лучше подождать мужа. Я не знаю, где он. — Ханна пожала плечами. — Не желаете лимонада?

— Нет — не хочу доставлять вам лишние хлопоты.

— Какие же тут хлопоты? Гумилия!

Теперь мы стояли в розовом свете гостиной: госпожа Долль спиной к камину, господин Томсен перед центральным окном, из которого открывался вид на вереницу дозорных вышек и Старый Город — на среднем плане.

— Очаровательно. Просто очаровательно. А скажите, — с покаянной улыбкой спросил я, — вы умеете хранить секреты?

Взгляд ее посуровел. Сейчас, видя Ханну вблизи, я обнаружил в ней черты более южные, может быть даже романские; да и глаза у нее были непатриотичными, темно-кариыми, цвета влажного жженого сахара и с каким-то густым блеском. Она сказала:

— Я умею хранить секреты. Когда хочу.

— Это хорошо. Дело в том, — сказал я, принимаясь врать напропалую, — дело в том, что меня очень интересует внутреннее убранство домов — их меблировка, общий рисунок. Вы ведь понимаете, почему мне не

хочется, чтобы это стало известным. Увлечение не очень мужское.

— Нет, полагаю, не очень.

— Мраморные подоконники — это была ваша идея?

Замысел мой состоял в том, чтобы увлечь ее, заставить двигаться. И теперь Ханна Долль говорила, жестикулировала, переходила от окна к окну, а я получил возможность получше ее разглядеть. Да, эту женщину создавали с колоссальным размахом: в ней прочитывалась мощная гармония различных эстетических начал. А голова Ханны — с широким ртом, крепкими зубами и челюстями, гладкими (завершающая деталь) щеками — напоминала булаву, но соразмерную, расширяющуюся кверху. Я спросил:

— А застекленная веранда?

— Ну, либо такая, либо...

В незакрытую дверь вошла Гумилия с подносом, на котором стоял каменный кувшин и две тарелки с печеньями и пирожными.

— Спасибо, Гумилия, дорогая.

Когда мы снова остались одни, я мягко спросил:

— Ваша служанка, госпожа Долль. Она случайно не из Свидетелей?*

Ханна молчала, пока некие домашние звуки, мной не уловленные, не затихли, позволив ей ответить — не шепотом, но близко к тому:

— Из них. Я их не понимаю. У нее лицо благочестивой женщины, вы не находите?

— Да, и весьма. — Лицо Гумилии было нарочито неопределенным — и в отношении пола, и в отношении возраста (негармоничное сочетание мужского и женского начал, молодости и старости), и при этом

* Подразумеваются Свидетели Иеговы.

немного ниже густой челки ее смахивавших на кресс-салат волос светилась редкостная уверенность в своей правоте. — Тут все дело в очках без оправы.

— Сколько лет вы бы ей дали?

— Э-э... тридцать пять?

— Пятьдесят. Я думаю, она выглядит так потому, что считает себя бессмертной.

— Ну что же, наверное, это сильно ее утешает.

— И ведь все так просто. — Ханна, склонясь над подносом, разлила лимонад, и мы присели — она на стеганую софу, я в деревенское деревянное кресло. — От нее требуется лишь подписать документ. И она получит свободу.

— Всего лишь “отречься”, как они выражаются.

— Да, но знаете... Гумилия так предана моим девочкам. А ведь у нее и свой ребенок есть. Мальчик двенадцати лет. Взятый государством на попечение. Подписав стандартный формуляр, она могла бы поехать и забрать его. Но она этого не делает. Не хочет.

— Любопытно, не правда ли? Я слышал, что им полагается *любить* страдание. — Я вспомнил рассказ Бориса о Свидетеле у палочного столба*, но решил, что потчевать им Ханну не стоит, — Свидетель просил, чтобы его били подольше. — Страдание подтверждает их веру.

— Представляю себе.

— Им это по душе.

Время шло к семи, озарявший гостиную розоватый свет внезапно потускнел... Я одержал немало удивительных, ошеломительных даже побед именно в этот час, когда сумерки, еще не разогнанные светом ламп или люстр, будто даруют нам некое неуловимое дозволение — напоминают о странных, словно

* По прибытии в концентрационный лагерь каждый Свидетель Иеговы получал 25 ударов палкой.